

УДК 349.6.086 (4/9)

ОБ АКТУАЛЬНЫХ УГРОЗАХ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСТАНА

Т.И. Турдиев

Уточнены социальные и экономические причины общественно-политической напряженности, выявлены историко-экономические особенности формирования социально-экономической нестабильности, обоснована возможность обострения актуальной социально-экономической ситуации в Кыргызстане.

Ключевые слова: экономический кризис; бедность; дифференциация доходов населения; устойчивое развитие; социальное неравенство; социальная турбулентность.

ABOUT CURRENT THREATS TO THE ECONOMIC SECURITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN KYRGYZSTAN

T.I. Turdiev

The social and economic causes of socio-political tension are specified, historical and economic peculiarities of socio-economic instability are revealed, and the possibility of exacerbation of the actual socio-economic situation in Kyrgyzstan is proved.

Key words: economic crisis; poverty; income differentiation of the population; sustainable development; social inequality; social turbulence.

Хорошо известно, что постсоветский Кыргызстан развивается очень динамично, если не сказать драматично, и обладает особой спецификой. Весь постсоветский период развития Кыргызстана сопровождается социально-экономическим кризисом. Бедность и чрезмерная социальная дифференциация среди населения приводят к периодическим общественно-политическим потрясениям. Для обеспечения устойчивого развития страны, помимо основных социально-экономических изменений, важно проанализировать содержание реформ в Кыргызстане, латентные последствия которых привели к революциям 2005 и 2010 гг.

Одной из особенностей Кыргызстана выступает коррумпированность фактически всех ветвей власти на фоне вполне “стабильного” развития теневой экономики. Теневая экономика “органично” связана с всеобщей коррупцией; невозможно точно установить природу органичного единства теневой экономики и коррупции с точки зрения причинно-следственных связей. Но можно констатировать, что они всегда сопровождают друг друга. Из-за теневой экономики государственный бюджет недополучает огромные средства в виде неучтенных налогов, “воспроизводство” теневой экономики

подрывает экономические основы существования государства.

Наблюдается криминализация общественных отношений. Каждая новая “революция” в стране сопровождалась перераспределением собственности с участием криминальных элементов. В свою очередь, тесное переплетение интересов официальных структур власти и криминалитета, с помощью которого “революционеры” приходили к власти, делало затруднительной действенную борьбу с преступностью.

Следует признать, что “революционеры” Кыргызстана становились все изощреннее в выборе средств достижения своих социально-политических целей. Этому способствовали следующие причины: во-первых, главной революционной силой стали социальные группы, готовые свои личные интересы и политическую целесообразность поставить выше закона и моральных ограничений; во-вторых, в обществе постепенно устанавливается принцип “круговой поруки”, когда фактически любой член общества, чтобы выжить, вынужден преступать закон. Политическая вакханалия привела к тому, что в настоящее время законопослушному, честному и инициативному

человеку невозможно работать в структурах государственной власти.

Правовая стабильность играет важную роль в становлении благоприятных условий развития государства. Правовая неразбериха, когда за 20 лет суверенитета страна дважды поменяла Конституцию и многократно вносила изменения в нее, утвердила в стране стереотип о допустимости нарушения законности на всех уровнях социальной иерархии общества. В обществе стала доминировать точка зрения, согласно которой законы изменяются в интересах новых властей, преступного мира, но только не в интересах народа. Стал распространяться правовой нигилизм, социальная апатия и ощущение бесперспективности; государство стало рассматриваться народом как чуждый ему институт.

Так, за все годы трансформации экономических отношений в Кыргызстане наблюдалась тенденция увеличения зарегистрированных преступлений. А ведь хорошо известно, что росту преступности во многом способствует фактор ненаказуемости. Небескорыстная “лояльность” к криминалитету киргизских судебных органов на фоне и без того низких показателей раскрываемости преступлений приводит к досрочному освобождению заключенных и усиливает фактор ненаказуемости. Каждая революция и смена власти сопровождается необоснованными масштабными амнистиями. Несмотря на то что процент раскрываемости преступлений в долгосрочном периоде показывает некое снижение (77,2 % – в 2000 г., 63,7 % – в 2005 г. и 60,6 % – в 2011 г.), эти показатели все же свидетельствуют о сложности ситуации.

Если рассмотреть структуру преступлений, то около 66 % зарегистрированных преступлений составляют экономические преступления, ущерб от которых растет. Если сумма материального ущерба от экономических преступлений в 2005, 2006, 2007 и 2008 гг. составила 496,1, 718,1, 649,9 и 834,9 млн. сомов соответственно, то в 2009, 2010 и 2011 гг. – 680,2, 875,9 и 1475,3 млн сомов соответственно [1].

В 2011 г. было зарегистрировано всего 30520 преступлений. Наибольший удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений занимают кражи – 39,3 % (12008 случаев), тяжкие и особо тяжкие преступления – 14,8 % (4544 случая), грабеж – 8 % (2434 случая), хулиганство – 7,9 % (2413 случаев), мошенничество – 6,6 % (2018 случаев) и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 6,3 % (1924 случая) [1]. Такая структурная картина в целом характерна и для предыдущих периодов, то есть за 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 и 2010 гг.

Число осужденных в 2010 г. составило 8524 человека, из них за кражу осуждены 1590 человек, за

преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 1175, за хулиганство – 860, за грабеж – 333 человека. Если в 2009 г. в составе осужденных лица в трудоспособном возрасте без определенных занятий составили 75,4 %, то в 2010 г. – 76,9 %. А уже в 2011 г. число осужденных составило 9199 человек, из них за кражу осуждено 1713 человек, за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 1248, за хулиганство – 766, за грабеж – 376 человек. В составе осужденных за 2011 г. лица в трудоспособном возрасте без определенных занятий составили 79,1 % [1]. Таким образом, наблюдаемая маргинализация населения отражается и в социальном составе преступников.

Львиная доля противоправных действий остается незарегистрированной. Наблюдается тенденция увеличения числа дел, поступивших в судебные инстанции. Эта динамика есть видимая часть “айсберга преступности” с учетом латентных преступлений. В 2009 г. число дел, поступивших в судебные инстанции, увеличилось по сравнению с 2005 г. почти в 1,6 раза [1]. Если в “айсберге” видимой преступности наблюдается такая динамика, то нетрудно догадаться, каковы масштабы реальной скрытой преступности, с учетом того что около 60–70 % противоправных действий остаются незарегистрированными. В Кыргызстане наиболее высоким уровнем латентности обладает экономическая и наркопреступность.

В условиях массового тиражирования средствами массовой информации криминальной субкультуры, повсеместного проникновения в повседневную речь воровского жаргона и широкого распространения практики решения многих вопросов “по понятиям”, наблюдается расширенное воспроизводство преступности. Наблюдаемая маргинализация значительных слоев населения изменяет социальный состав преступников, в преступную сферу вовлекаются подростки. В условиях возрастания числа неблагополучных семей получают масштабное распространение и такие явления, как беспризорность, социальное сиротство. Эти явления усиливают риск детской преступности. Характерно, например, то, что в 2009 г. несовершеннолетние осужденные в возрасте 14–15 лет составили 21,1 %, в возрасте 16–17 лет 78,9 %; при этом 54,8 % осужденных не учились и не работали, а 48,7 % совершили преступления в группе. Схожая картина сохранилась и в последующем, причем количество осужденных в возрасте 14–17 лет росло: если в 2010 г. оно составило 358 человек, то в 2011 г. – 439 человек [1].

Как видно из таблицы 1, с 2005 по 2009 г. доля трудоспособных лиц, которые не работали

Таблица 1 – Численность осужденных по полу и занятию на момент совершения преступления, человек

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего осужденных	13385	13480	12663	10666	9797	8524	9199
Из них:							
Женщины	1531	1540	1501	1099	1119	1004	969
Мужчины	11854	11940	11162	9567	8678	7520	8230
Ранее судимые	2635	2665	2386	2239	2002	1561	2557
Трудоспособные лица, не работавшие и не учившиеся	9961	10051	9586	7922	7390	6559	7269

Источник: Кыргызстан в цифрах: стат. сб. Бишкек, 2010–2012.

Таблица 2 – Характеристика реальных предельно допустимых социальных показателей Кыргызской Республики

Показатель	Предельно критическое значение в мировой практике	Величина показателя в 2011 г. в КР	Вероятные социально-политические и экономические последствия
Соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан	10 : 1	12 : 1	Антагонизация социальной структуры
Доля населения, живущего за чертой бедности, %	10	36,8	Люмпенизация населения
Соотношение минимальной и средней заработной платы	1 : 3	1 : 13,5	Деквалификация, пауперизация рабочей силы
Уровень безработицы, %	8–10	11	Рост социально обездоленных категорий населения
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,14–2,15	3,1	Отсутствие простого замещения поколений
Средняя продолжительность жизни населения в 2010 г., лет	США – 78,2, Великобритания – 78,7, Швеция – 79,8, Япония – 80,7	Кыргызстан – 69,6 (65,7 – мужчины, 73,7 – женщины)	Снижение жизнеспособности страны
Доля лиц старше 65 лет к общей численности населения (коэффициент старения населения), %	7	4,3	Старение населения

Источник: Составлено автором.

и не учились, в общей численности осужденных составляла 74–75 %, а уже в 2010 и 2011 гг. – 77 и 79 % соответственно. То есть маргинальность преступности налицо. Из этой же таблицы можно сделать вывод о том, что в Кыргызстане в сфере преступности мужчин многократно больше, чем женщин.

Можно смело констатировать, что на фоне деморализации и маргинализации общества, а также отсутствия четкой государственной идеологии криминалитет в Кыргызстане становится достаточно опасной общественно-значимой силой. На этом фоне усиливается влияние исламской религиозной демагогии.

Масштабный характер принимает употребление алкоголя и наркотиков, растет число фактов суицида. Можно предположить, что основные мотивы самоубийств связаны с социальными факторами: нищета, безработица, алкоголизм и наркомания. Особую тревогу вызывает распространение наркомании среди подростков, а также рост числа подростков, близких к тому, чтобы стать наркоманами. Алкоголизм, приобретающий все более массовый характер, ведет к росту количества больных алкогольными психозами.

С точки зрения эффективного анализа ситуации достойна внимания “система предельно-критических показателей развития общества”.

Известные российские ученые, академики РАН Г.В. Осипов, В.И. Жуков и В.В. Локосов выступили инициаторами и разработали систему предельно-критических показателей развития общества. Ученые исходили из того, что общество есть целостная система, которая находится в постоянном развитии и изменении. По их мнению, общество как целостная система успешно развивается в условиях эффективного функционирования ее подсистем: экономической, социальной, политической, духовно-нравственной и экологической. Причем каждая из подсистем имеет жизненно важные элементы, выход которых из режима нормального функционирования может привести подсистему в состояние неустойчивости, слабой предсказуемости и управляемости.

По мнению ученых, важно определить и отслеживать предельно-критические величины основных показателей развития общества, чтобы не допустить эскалации разрушительных процессов, социальной дезорганизации и деградации. Предельно-критическая величина показателей не означает полного распада той или иной подсистемы; динамика показателей в сторону предельно-критических величин просто сигнализирует о высоком уровне рисков функционирования данной подсистемы и о необходимости оперативного вмешательства с целью превентивной корректировки опасных тенденций.

Несмотря на отдельные сложности в разработке достоверной оценки состояния общества, его стабильности, методика построения системы предельно-критических показателей, определение пороговых значений социальной дезорганизации, по мнению указанных выше академиков, представляется полезным для проведения анализа развития социально-политической ситуации [2, с. 145].

В 2005 г. ученые расширили систему предельно-критических показателей развития общества до 25 показателей, и расширенная таблица была опубликована в их коллективной монографии.

Анализ социальной ситуации в Кыргызстане свидетельствует о том, что в целом по республике она сохраняется достаточно напряженной (см. таблицу 2).

Из таблицы видно, что величина отдельных показателей практически равна или превышает предельно критические значения. Нерешенность социальных проблем усугубляет социальное противоречие в обществе и ведет к люмпенизации и декалфикации рабочей силы, росту социально обездоленных категорий и антагонизации социальной структуры кыргызстанского общества. Относительно благополучными выглядят показате-

тели социально-демографического характера, но нерешенность социально-экономических проблем может отрицательно сказаться и на динамике демографических показателей.

Очень опасным явлением становится сам факт распространения коррупции, она становится главным “окном” уязвимости государства. Думается, что коррупцию нужно дефинировать в качестве главной угрозы для экономической безопасности в контексте масштабных геоэкономических и геополитических изменений в регионе. В целом на данном этапе коррупция стала социальной нормой в нашем обществе. Преступность в стране, по сути, “маргинальна и бедна”. В условиях всевластия денег и высокого уровня коррумпированности всех ветвей власти только неимущие слои населения “попадают в сети правосудия”, в то время как небедные способны “выкрутиться” с помощью денег, что объективно усиливает антагонизм в обществе.

Среди населения усиливается влияние экстремистской религиозной демагогии на фоне того, что государство не способно четко контролировать деятельность религиозных сект. Ясная государственная идеология отсутствует. Деструктивная активность международных сетевых религиозных организаций с сомнительными мировоззренческими установками усиливается [3, с. 176].

По данным госкомиссии по делам религий Кыргызстана, на территории страны по состоянию на 2011 г. зарегистрировано 2,3 тыс. религиозных объединений и организаций. Основную долю составляют исламские (83,2 %) и христианские (16,1 %) организации [4, с. 134].

Следует отметить и социальную турбулентность населения, так как в Кыргызстане процент разрушительности протестных настроений населения весьма высок. Очень важным является количественный показатель, определяющий, что население способно перейти от диалога с властями к решительным мерам противодействия установленному порядку. В международной практике для этого используется показатель процента людей, готовых к протестным действиям для устранения сложившегося отрицательного, по их мнению, положения. Если этот показатель превышает заранее известный критический уровень, то ситуация определяется как социально опасная. В мировой практике критическим является значение показателя в 7–8 %.

Очевидно, что условие срыва в социальную турбулентность главным образом связано с бедностью населения. Если личные доходы населения выше прожиточного минимума, то “зажечь”

массы на выступления значительно сложнее. Помимо экономических факторов, можно отметить достаточно высокую чувствительность условий возникновения социальной нестабильности по отношению к внешним дестабилизирующим воздействиям. Например, в КР наблюдается активизация деятельности неправительственных организаций: если в 2007 г. было зарегистрировано 14 тыс. НПО, то в 2011 г. их было более 19 тыс., или в 1,3 раза больше [4, с. 135]. В Кыргызстане эти два фактора совпали, резонируя на основе “эффекта синергии”, что и привело к социальной нестабильности (2010 г.).

По нашему мнению, социальная турбулентность в Кыргызстане обладает двойственной природой, потому что ее можно определить в качестве опасности с точки зрения обеспечения социально-экономической стабильности общества, но одновременно можно признавать ее и в качестве воз-

можности с точки зрения оптимальной коррекции основ долгосрочной устойчивости общества.

Литература

1. Преступность и правопорядок в Кыргызской Республике: стат. сб. Бишкек, 2011 // [Официальный сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики]. URL: <http://www.stat.kg> (дата обращения: 20.11.2013).
2. *Осипов Г.В.* Социология трансформаций России в меняющемся мире / Г.В. Осипов, В.И. Жуков, В.В. Локосов. М.: ИСПИ РАН, 2005. 372 с.
3. *Турдиев Т.И.* Социально-экономическая ситуация в Кыргызстане и национальная безопасность / Т.И. Турдиев // Общество и экономика. 2011. № 11–12. С. 173–180.
4. Социальные тенденции Кыргызской Республики. 2007–2011 / Нацстатком КР. Бишкек, 2012. Вып. 8. 147 с.